

С. В. Голикова, Л. А. Дашкевич
ОХРАНА ДЕТСТВА В ИМПЕРИИ РОМАНОВЫХ
(по материалам Урала XVIII — начала XX вв.)

Вклад Романовых в благотворительность и просвещение, их покровительство наукам и искусству превратились в важные темы исторической науки постсоветского времени. В орбиту исследовательского интереса постепенно входят и вопросы попечительства правящей династии над детьми и детством вообще, вне зависимости от социальной принадлежности ребенка и его родителей. Проблема гуманизации жизни в России изучается специалистами не для того, чтобы дать общественности повод в очередной раз умилиться добротой и порядочности первых лиц государства. Цена вопроса о «слезе ребенка» в контексте государственных интересов выводит нас на важную проблематику, связанную с природой патернализма власть имущих в Российской империи, с продвижением страны по пути формирования социального государства.

Историки признают, что социальное обеспечение населения в имперский период ограничивалось строгой целевой направленностью: оно касалось не всех членов общества, а лишь определенных категорий лиц, пользующихся особой защитой со стороны государства. К числу таких субъектов были отнесены и дети. Вопрос о государственной помощи детям, лишенным опеки родителей, впервые был поставлен Петром I, поддержавшим инициативу новгородского митрополита Иова, открывшего в 1706 г. приют для призрения покинутых младенцев. Через несколько лет царь придал организации приютов государственный масштаб. Именными указами от 31 января 1712 г. и 4 ноября 1715 г. он повелел принимать «засорных» младенцев в специальные «гошпитали», а женам и девкам,

«отметывающим» детей в разные места, пригрозил смертной казнью.¹

В «просвещенное» царствование Екатерины II для призрения «несчастнорожденных» детей были открыты Московский (1763), а затем Санкт-Петербургский (1770) воспитательные дома, которые имели общероссийское значение. Согласно «Генеральному плану Московского воспитательного дома» (1763), «всякого звания люди» в городах и уездах России могли открывать периферийные пункты для приема младенцев, причем впоследствии они были обязаны отвозить детей в возрасте от трех до пяти лет в Москву и сдавать в центральный воспитательный дом, где питомцам давали «совершенное воспитание и обучение».² Непривычные для тогдашнего общества детские учреждения освящали харизматический образ их основательницы. Манифест от 1 сентября 1763 г. объявлял для всеобщего сведения о том, что Екатерина II «определяет быть Московскому воспитательному дому государственным учреждением, принимает его навсегда под свое особенное покровительство, обнадеживает в этом как за себя, так и за своих преемников, и выражает желание и надежду, что все подданные своими пожертвованиями будут помогать устройству и содержанию этого богоугодного заведения».³ В декабре 1763 г. императрица передала на нужды Московского воспитательного дома 20 тысяч рублей, в 1764 г. последовало еще 110 тысяч, в 1765 г. — 70 тысяч. От наследника престола Павла Петровича сюда поступило 20 тысяч рублей. Петербургская и московская знать, а также представители более широких кругов дворянства и купечества последовали за императрицей. В списке «благодетелей» воспитательных домов числились и фигуры крупных уральских заводладельцев — П. А. Демидова, А. С. Строганова, С. Я. Яковлева.

Голикова Светлана Викторовна — д.и.н., в.н.с. сектора политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: avokilog@mail.ru

Дашкевич Людмила Александровна — д.и.н., в.н.с. сектора методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: ldash54@mail.ru

¹ ПСЗ-I. Т. 4. № 2477; Т. 5. № 2953.

² Фруменкова Т. Г. Воспитательные дома и начало светской благотворительности и общественного призрения в России в царствование Екатерины II // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003. С. 274.

³ Историческое обозрение мер правительства по устройству общественного призрения в России. СПб., 1874. С. 84.

Детоцентристская риторика императрицы была с пониманием воспринята на местах. Основатель Екатеринбургского воспитательного дома купец третьей гильдии Федор Яковлевич Логинов, обращаясь 6 июня 1790 г. в Московский опекунский совет с просьбой о назначении его попечителем и воспитателем «несчастных обоюбого пола и родителями оставленных детей», коих он собирался принимать «помощением доброхотных подателей», прямо заявлял, что его усердие в этом деле вызвано «высочайшим Ея Императорского Величества человеколюбивым намерением». В другом обращении к местным властям он писал, что его детище может «пользоваться таковыми же привилегиями, каковые изъявлены от Ея Императорского Величества из одного только соблезнования и человеколюбивейшего матерного милосердия Московского и Санкт-Петербургского домов питомцам. Но как во всей Российской империи всякой род пользуется одинаковыми выгодами, следовательно, и здешним питомцам, надеюсь я, что Ея Императорское Величество не откажет в таковой же милости».⁴

С созданием приказов общественного призрения сохранение жизни невинных детей в провинции перешло в их ведение. С целью помощи сиротам и незаконнорожденным младенцам уже в конце XVIII в. в Пермской и Вятской губерниях были созданы особые «сиропитательные», или воспитательные, дома. В Оренбургской губернии такого заведения не было — приказ поддерживал нуждающихся детей денежными пособиями или отдавал их на попечение «добродетельным и добронравным людям».

Представление о детях, нуждающихся в социальном обеспечении, не оставалось неизменным. Со временем, кроме «несчастнорожденных» и сирот, оно стало включать и другие категории детей. Согласно «Положению о детских приютах» 1839 г., важным механизмом социальной помощи бедным и обездоленным детям в российской провинции стали приюты — особые учреждения, которые (если пользоваться современными понятиями) соединяли в себе черты детского сада для дневного присмотра за детьми, интерната для детей необеспеченных родителей и детского дома для сирот. Составители Положения учли неблагоприятные уроки закрытых воспита-

тельных детских заведений. Они были уверены в том, что приюты не должны разрывать связей ребенка с семьей, которая имеет «неоспоримое и самое благодатное действие на всю жизнь».⁵ В уральских городах губернские приюты начали действовать в конце 1840-х — начале 1850-х гг.

Государство выступило в качестве правообразующей силы в деятельности этих учреждений, обеспечивая не столько гарантии, сколько регуляцию в сфере социальной помощи детям. В 1838 г. Николай I особым рескриптом на имя императрицы Александры Федоровны учредил Комитет главного попечительства детских приютов и поручил ему руководство приютским делом во всей стране. Согласно «Положению о детских приютах» 1839 г., приюты, как и прочие образовательные и воспитательные заведения, были поставлены под строгий контроль государства и превратились в полубюрократические учреждения. Органы контроля составили иерархическую вертикаль: высший надзор осуществлял Комитет главного попечительства детских приютов, на местах — губернские и уездные попечительства под руководством губернаторов и уездных предводителей дворянства. Обратиться в Комитет главного попечительства детских приютов, минуя губернское попечительство, уездные благотворители не могли. Комитет рассматривал отчеты Санкт-Петербургского и Московского советов детских приютов, а также губернских попечительств; решал вопросы, поставленные этими органами; хранил общий капитал ведомства детских приютов и распоряжался им; составлял, исправлял и дополнял указы и наставления для должностных лиц в детских приютах (в самом Положении 1839 г. были детально описаны компетенции и статус попечительниц приютов, их директоров, почетных старшин, смотрительниц и их помощниц).

Губернские попечительства детских приютов, согласно Положению, состояли из действительных и почетных членов. Действительными членами являлись должностные лица губерний и городских обществ: губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, председатель палаты государственных имуществ, городской голова, попечительницы и директора детских приютов. Обязательным

⁴ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 28. Л. 111.

⁵ Детские приюты Ведомства учреждений императрицы Марии (1839–1889 годы). К пятидесятилетию со времени издания Положения о детских приютах 27 декабря 1839 года. СПб., 1889. С. 15.

было также присутствие в попечительствах епархиальных архиереев и высших духовных лиц губерний. Они вводились туда на правах почетных членов. Звание почетных членов попечительств могли получить благотворители, известные своими пожертвованиями или «полезными трудами» в пользу приютов. Утверждение этих почетных званий было возложено на Комитет главного попечительства детских приютов. Попечительницы и директора детских приютов утверждались в должности председателем этого Комитета.

Касса губернского попечительства хранилась в местном казначействе, средства на содержание приютов выдавались из нее лишь по особым распоряжениям губернатора как председателя попечительства. Казначей являлись действительными членами попечительства, они избирались местным попечительством и утверждались Комитетом главного попечительства детских приютов. В конце года губернские попечительства обязаны были представить в Комитет отчет о состоянии подведомственных им детских учреждений. Губернатор при объезде территории должен был посещать детские заведения и сообщать о своих замечаниях губернскому попечительству. Непосредственно жизнью приютов руководили попечительницы, так как считалось, что жизненный опыт женщин был ближе к работе с малолетними детьми.⁶

Источником финансирования детских учреждений служили средства общественной и частной благотворительности. Меценаты, решившие основать новые учреждения детского призрения, отныне не могли действовать лишь по своему усмотрению. За пояснениями о том, на каких условиях можно учредить детские приюты в уральских имениях, вынужден был обратиться к правителю дел Комитета главного попечительства детских приютов Александру Павловичу Башуцкому сам создатель первого детского убежища Анатолий Николаевич Демидов. В феврале 1843 г. А. П. Башуцкий направил заводовладельцу письмо с Положением 1839 г., заметив, что учреждение приютов не может «иметь других начал,

как только те, кои определены Положением и последующими дополнениями». Правитель дел рекомендовал Демидову нанять в смотрительницы приюта, намечавшегося к основанию в Нижнетагильских заводах, специально подготовленную женщину, служившую в образцовом приюте, «ибо порядок управления, содержание занятий везде совершенно однообразны по общему сих заведений назначению и цели».⁷

Новые задачи детских заведений были сформулированы в Положении о детских приютах, пересмотренном в 1891 г. Законодательный акт изменил приоритеты в деятельности этих заведений. Помимо решения обозначенных в Положении 1839 г. задач дневного присмотра за детьми, чьи родители были заняты на работе, ведомство существенно усилило внимание к сиротам. В соответствии с этим был изменен состав призреваемых в приютах воспитанников в пользу сирот и других детей, лишенных опеки родителей. Воспитанники должны были пребывать в детских заведениях до 18-летнего возраста (по Положению 1839 г. — лишь до 13 лет). Для подготовки их к жизни была усилена профессиональная направленность обучения: при детских заведениях стали создаваться мастерские, рукодельные отделения, кулинарные школы и даже ремесленные училища.

Общий надзор за приютами в 1869 г. был передан ведомству учреждений императрицы Марии. Для усиления работы в сфере детского призрения в структуре ведомства в 1896 г. был образован комитет главного попечительства детских приютов. Его представители стали активно искать новые направления, формы и способы призрения детей. Благодаря их деятельности сеть попечительств, привлекавших к делу детского призрения новых филантропов, в конце XIX — начале XX вв. значительно расширилась.

На Урале лидерство в этом процессе принадлежало благотворительной обществу Пермской губернии. Денежные ресурсы попечительств, относившихся к Мариинскому ведомству, выросли в губернии к 1914 г., по сравнению с 1889 г., втрое, а стоимость недвижимости — почти вчетверо. Соответственно увеличилось и количество призреваемых детей — с 203 человек в 1889 г. до 527 в 1914 г.

⁶ См.: Положение о детских приютах 27 декабря 1839 года Ведомства учреждений императрицы Марии, дополненное по 1 сентября 1884 года новыми узаконениями и изменениями, сводом всех вышедших со времени открытия приютов (1840 год), нигде еще не печатавшихся разъяснений, циркуляров, приложением уставов — счетного, эмеритальной кассы, форм отчетов, сметных росписаний, наградных списков и проч. / сост. П. Горбунов. СПб., 1884. С. 54.

⁷ РГИА. Ф. 763. Оп. 2. Д. 139. Л. 2.

Существенно выросли к 1914 г. и материальные ресурсы попечительств детских приютов в Вятской и Уфимской губерниях. Количество детей, призревавшихся в мариинских приютах Вятской губернии, составляло в 1889 г. 89 человек, в 1914 г. — 276; в Уфимской губернии в 1889 г. — 50 человек, в 1914 г. — 222 человека.

Оренбургская губерния, в которой поздно были созданы органы земского самоуправления, несколько отставала от своих уральских соседей. В 1889 г. здесь в мариинских приютах призревало 55 человек, в 1914 г. — 97 человек.⁸ Несмотря на малые успехи оренбургских благотворителей, результаты деятельности ведомства учреждений императрицы Марии в целом по Уралу были вполне ощутимы. Общее количество детей, получивших призрение в уральских мариинских приютах, за последние 25 предвоенных лет увеличилось почти втрое. Мариинские приюты завоевали доверие и сочувственное внимание общества. Пособия из централизованных средств ведомства учреждений императрицы Марии на Урале в начале XX в. лишь изредка получали некоторые сельские приюты, в основном же детские заведения жили за счет средств попечительств, созданных пожертвованиями благотворителей и поддержанных земскими органами и городскими думами.

Перечень социальных рисков, при которых в Российской империи ребенку оказывали помощь и защиту, постепенно расширялся, но до принципа всесторонности и многообразия видов социального обеспечения детей было еще далеко. Всероссийские съезды по общественному призрению, которые состоялись в 1910, 1914 и 1916 гг., обозначили этот принцип только на декларативном уровне. Положение съезда 1914 г., например, гласило: «Обязательное призрение оказывается детям следующих категорий: нетрудоспособных родителей, ненормальным, порочных родителей, нищенствующим, беспризорным и вообще всем детям, беспомощность которых будет удостоверена... страдающим от жестокого обращения».⁹

⁸ Детские приюты Ведомства учреждений императрицы Марии (1839–1889 годы). С. 384, 385; Отчет по ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством, за 1913 год. СПб., 1915. С. 36–43, 80, 81, 86–97, 141–143.

⁹ Бруханский Б. П. К вопросу о призрении детей в России: доклад Всероссийскому съезду по общественному призрению в 1914 г. Саратов, 1914. С. 19.

Считается, что инициатива появления в России детских яслей принадлежит всецело земству, которому помогали разнообразные благотворители. Однако история ясельного дела ряда уездов Вятской и Уфимской губерний началась именно с участия императорского Дома. По распоряжению императрицы Александры Федоровны в районы, пострадавшие от неурожая 1898 г., Санкт-Петербургским комитетом Общества домов трудолюбия был командирован специальный отряд, который совместно с Обществом Красного Креста летом 1899 г. устроил сеть яслей-приютов. Попечительство о домах трудолюбия и рабочих домах открыло в Сарапульском уезде 15 сезонных детских учреждений, в Малмыжском — 15, в Елабужском — 21.¹⁰ Появились подобные учреждения также в Мензелинском уезде, в селах Верхне-Троицком, Шаран, Нагайбак, Бакалы и в деревне Ишманкульской Белебеевского уезда Уфимской губернии. В Бирском уезде барон Буксгевен с тремя сотрудниками (А. П. Поповская, Каменский и доктор Гинцбург) организовали 10 яслей. В 1900 г. к уфимскому губернатору по поводу открытия летних яслей обратился председатель совета Общества борьбы с заразными болезнями принц Ольденбургский. «По указанию его высочества, — писал глава губернии в земскую управу, — на первое время было бы весьма желательно устроить ясли-приюты хотя бы в наиболее нуждающихся в том местностях, ибо пример и первый опыт борьбы с заразными болезнями, конечно, можно надеяться, найдет вскоре поддержку со стороны благотворителей».¹¹

Пропагандируя среди населения создание детских яслей, организаторы прямо ссылались на августейших покровителей. Надзирательница яслей в селе Рожки Малмыжского уезда Вятской губернии А. Филиппова оставила в своем дневнике от 4 июля 1899 г. запись о проповеди местного священнослужителя, в которой говорилось об открытии яслей: «В заключении священник сказал, что... крик несчастных больных, умирающих детей услышала государыня императрица и дала средства на открытие летних приютов, куда родите-

¹⁰ См.: Овчинников Н. Трудовая помощь в Вятской губернии, оказанная в 1899 году попечительством о домах трудолюбия и рабочих домах // Вятские губернские ведомости. 1901. № 28. С. 3.

¹¹ ЦГИА РБ. Ф. 132. Оп. 1. Д. 219. Л. 3–4, 8, 12, 14–17об., 20, 26, 37, 41–41об.

ли могут приносить своих детей и оставлять на весь день, а дальние могут оставлять и на ночь. В яслях-приюте детей будут кормить и присматривать за ними и т. д.».¹² Успехи в организации яслей усиливали верноподданнические настроения. Так, черемисы (марийцы) из села Большой Китяк при закрытии осенью детского приюта со слезами на глазах искренне говорили: «Спасибо, благодарю государя и царицу».¹³ Поощрением же надзирательницам за их самоотверженный труд стала «награда с высоты престола» в форме «высочайшей благодарности ее величества государыни императрицы Александры Федоровны».¹⁴

Главное управление ведомства учрежденной императрицы Марии не только взяло на себя труд по пропаганде идеи сезонных (летних) яслей, практически ежегодно публикуя брошюры по организации ясельного дела, но и предлагало всем входящим в ведомство попечительствам детских приютов открывать ясли. И такие учреждения стали появляться. В 1902 г. Красноуфимское уездное попечительство детских приютов переняло «опыт призрения крестьянских детей в страдную летнюю пору», устроив временные ясли в селе Богородском и в Михайловском заводе.¹⁵ В ведомство учреждений императрицы Марии, помимо заведений уездных попечительств, в 1902 г. были «причислены» сельские детские приюты-ясли в селах Пянтеги Чердынского уезда, Краснослободском и Невьянском Ирбитского уезда и в Нязепетровском заводе Красноуфимского уезда.¹⁶ 21 мая 1903 г. было принято постановление уездного попечительства «открыть в виде опыта ныне же» летний приют в Вятском уезде.¹⁷

Несмотря на увеличившиеся масштабы деятельности ведомства учреждений императрицы Марии, оно не в силах было принять всех детей, нуждавшихся в помощи. Журнал «Вестник благотворительности» в 1897 г. писал, что в России имеется около 3,5 миллионов нищих детей.¹⁸ Численность всех при-

зреваемых в мариинских заведениях, судя по отчетам, даже пять лет спустя, в 1902 г., едва превышала 40 тысяч человек.¹⁹ Помощь ведомству оказывали различные общественные организации. Их инициативы во второй половине XIX в., после Великих реформ, быстро распространялись. Указ 1862 г. отменил прежний порядок создания благотворительных обществ, требовавший «Высочайшего императорского соизволения». Разрешение на их открытие теперь можно было получить в Министерстве внутренних дел. Это значительно упростило процедуру, сократив количество необходимых юридических формальностей, и на Урале во второй половине XIX — начале XX вв. появились десятки общественных благотворительных заведений.²⁰ В 1907 г., например, судя по данным Адрес-календаря, на территории Пермской губернии действовало 43 приюта (в них содержалось 1 738 детей),²¹ из них к числу мариинских относилось лишь 19 (с 471 призреваемым).²²

Для высшей власти в конце XIX — начале XX вв. при появлении большого числа разнообразных акторов, оказывавших помощь детям (именные благотворительные комитеты и ведомства, земские и городские органы управления, городские попечительства о бедных, благотворительные организации, сословные и национально-религиозные сообщества), вопрос о координации попечительно-благотворительной деятельности встал весьма остро. В 1909 г. в стране был создан Всероссийский союз учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению, который координировал деятельность государственных, общественных и частных «богоугодных» заведений. Однако права полного контроля над всеми организациями он не получил.

К 1917 г. в Российской империи не был установлен абсолютный характер прав детей как субъектов социального обеспечения. Попадание ребенка в трудную жизненную ситуацию не влекло за собой определенных правовых последствий. По умолчанию или фактически

¹² Цит по: Ганзен П. Опыт оздоровления деревни // Русская мысль. 1900. № 3. С. 119, 127.

¹³ Там же. № 5. С. 41.

¹⁴ Там же. С. 48.

¹⁵ Отчет пермского губернского попечительства детских приютов за 1902 год. Пермь, 1903. С. 6.

¹⁶ Всеподданнейший отчет по ведомству учреждений императрицы Марии за 1902 г. СПб., 1906. С. 341, 342.

¹⁷ Земер. Приюты-ясли в Слободском уезде // Вятские губернские ведомости. 1904. № 123. С. 3.

¹⁸ См.: Как призывать детей // Вестн. благотворительности. 1897. № 11. С. 19.

¹⁹ Отчет по ведомству детских приютов под высочайшим их императорских величеств покровительством за 1902 год. СПб., 1904. С. 187.

²⁰ См.: Формирование сферы гражданской деятельности на Урале второй половины XIX — начала XX века: социальный аспект. Екатеринбург, 2011. С. 153.

²¹ См.: Благотворительность на Урале. Екатеринбург, 2001. С. 64.

²² См.: Отчет по ведомству детских приютов, состоящих под высочайшим их императорских величеств покровительством, за 1908 год. СПб., 1909. С. 260–268.

имел место «усмотренческий» подход в реализации прав ребенка, т. е. деятельность приказов общественного призрения, попечительств детских приютов, земских органов не регулировалась посредством категорических предписаний. Ведомство учреждений императрицы Марии, благотворительные общества или земские власти могли отказаться принять подкидыша или сироту в связи с отсутствием мест в подчиненных им детских учреждениях. Социальное обеспечение детей не было гарантировано на законодательном уровне. Следовательно, оно не являлось всеобщим, так как распространялось не на всех нуждающихся в нем.

В России начала XX в. конкретное социальное благо (вид обеспечения детей) и, тем более четкие гарантии его реализации не являлись объектом правоотношений, т. е. социальное право как таковое отсутствовало. Помощь детям рассматривалась не как обязанность государства, а в качестве милости, оказываемой царем. Для привлечения филантропической помощи благотворительные организации пытались заручиться августейшим покровительством, присваивая учреждениям имена монархов или членов императорской семьи. Так, в 1880 г. оренбургская Городская дума обратилась к губернским властям с предложением создать в ознаменование 25-летия царствования Александра II приют для призрения подкидышей, «обреченных при несуществовании в городе подобного рода филантропического заведения на все ужасы бесприютной отчужденности существования, а часто и безучастной голодной смерти или же, во всяком случае, осужденных на влечение тяжелой жизни нищих и пролетариев».²³ Озно-Чепецкий приют в Вятской губернии по инициативе его основателя, председателя уездного съезда земских начальников Н. И. Барановского, был посвящен рождению цесаревича Алексея Николаевича. Благодаря этой инициативе приют был хорошо известен царской семье. В числе его почетных членов находился духовник императорской семьи протопресвитер Иоанн Леонтьевич Янышев. В годы I Мировой войны Озно-Чепецкий приют получил большую помощь от Романовского комитета для призрения сирот сельского состояния. В 1915 г.

ему перевели денежные средства в размере 3 125 рублей.²⁴

Несмотря на то что предоставление помощи детям в ряде случаев было формально закреплено в правовых источниках, ни один из них не обеспечивал права на безусловное ее получение. Развитое и прогрессивное социальное законодательство в Российской империи не было создано, хотя система помощи беднейшим и брошенным детям в России, в целом, была достаточно обширной. Она включала различные учреждения: приюты, сиротские и воспитательные дома, детские убежища и пр. Трудно судить, однако, о том, насколько полно она удовлетворяла социальные потребности населения. Такой статистики в империи не велось. В качестве главной отрицательной черты системы социальной помощи в Российской империи современный исследователь Л. А. Булгакова называет «хаотичность» организации: «Проблема заключалась в том, что не были установлены категории лиц, подлежащих обязательному призрению, не определены источники финансирования социальной помощи и не разграничены обязанности органов государственной власти и местного самоуправления по обеспечению призрения, а следовательно, не было ясности в том, что же остается на долю благотворительности. Помощь нуждающимся оказывалась через разобщенные и не связанные между собой земские, городские, сословные и ведомственные учреждения, благотворительные общества, церковно-приходские попечительства, приказы общественного призрения».²⁵

Это, впрочем, понимали и современники. Недостатки и возможности детского призрения обсуждались врачами и общественными деятелями на съездах и заседаниях различных союзов и организаций. Главным направлением при этом считался переход от благотворительности в сфере детской помощи к государственному призрению. Один из участников Всероссийского съезда по общественному призрению — Б. П. Бруханский — в своем докладе в 1914 г. по этому поводу заявлял: «Человеческая мысль уже целые века ищет правильного

²³ Столпянский П. Н. Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города. Оренбург, 1908. С. 170.

²⁴ См.: Отчет по ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством, за 1914 и 1915 годы. СПб., 1916. С. 81.

²⁵ Булгакова Л. А. Проблемы интеграции в сфере социальной помощи в дореволюционной России // Благотворительность в России: социальные и исторические исследования. СПб., 2001. С. 313.

решения вопроса об оказании действительной помощи детям, немало было сделано за это время ужасных ошибок, через миллионы детских трупов прошло вековое искание правиль-

ных путей. Пора, наконец, сбросить вековое равнодушие к участи детей. Пора, наконец, государству протянуть к ним свою материнскую руку спасения».²⁶

Ключевые слова: *Романовы, благотворительность, призрение детей, патронаж, право социального обеспечения*

Svetlana V. Golikova

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *avokilog@mail.ru*

Ludmila A. Dashkevich

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *ldash54@mail.ru*

PROTECTION OF CHILDHOOD IN THE ROMANOV EMPIRE
(on the materials from the Ural of the 18th — early 20th centuries)

The article studies the problems of the evolution of the social institute of child support in the Russian provinces using the historical-genetic and the historical systemic approaches for the reconstruction of various factors contributing to the formation and evolution of the institute of orphanages. Based on the documents from the Perm, Vyatka, Ufa, and the Orenburg provinces of the 18th — early 20th centuries the author describes the work of child protective services and orphanages run by the Offices of the Empress Maria and the charitable child care projects of the general public, as well as the legal regulation of these institutions. The author draws a conclusion about the existence during that period of a rather comprehensive system of child protective services in the Urals; however the child protective services as a social institution did not become subject of legal regulation. The principles of generality, omnitude and diversity of social protection of childhood did not go further than the official declarations in the Romanov Empire.

Key words: *The Romanovs, charity, children's charity, patronage, social security law*

REFERENCES

- Blagotvoritelnost na Urale* [Charity in the Urals]. Ekaterinburg: "SV-96" Publ., 2001, 256 p. (in Russ.).
- Bulgakova L. A. *Blagotvoritelnost v Rossii: sotsialnye i istoricheskie issledovaniya* [Charity in Russia: social and historical research]. St. Petersburg: "Liki Rossii" Publ., 2001, pp. 313–324. (in Russ.).
- Formirovanie sfery grazhdanskoy deyatel'nosti na Urale vtoroy poloviny XIX — nachala XX veka: sotsialnyy aspekt* [Formation of the scope of the civil activities of the Urals, the second half of XIX — early XX century: the social dimension]. Ekaterinburg: BKI Publ., 2011, 387 p. (in Russ.).
- Frumenkova T. G. *Blagotvoritelnost v Rossii. Istoricheskie i sotsialno-ekonomicheskie issledovaniya* [Charity in Russia. Historical and socio-economic studies]. St. Petersburg: "Liki Rossii" Publ., 2003, pp. 272–285. (in Russ.).

²⁶ Бруханский Б. П. Указ. соч. С. 32.